

Мок. комсомолец
1996. - 16 янв. - с. 3.

ЛИТОВОЗ

ОТКРЫТАЯ ЭРОТИКА ПОСЛЕДНЕГО ГЕРОЯ

АЛЕКСАНДР
КАБАКОВ

Последний
Герой

На презентации нового романа Александра Кабакова "Последний герой", устроенной издательством "Вагриус" с напитками и закусками похлеще букеровского застолья, критик Владимир Новиков произнес:

— В нашей прозе определился лидер, человек, который рискует предстать таким лидером, каким в 60–70-е годы был Аксенов.

И назвал замысел романа Кабакова рискованным. Сам виновник торжества был краток и провозгласил сногшибательный тезис:

— Мужской век кончается чуть раньше, чем XX век.

Эту фразу можно было принять как дань пижонству, если не учесть сложного состояния автора; щедро наделившего романного героя множеством своих достоинств и пороков, достижений и ошибок, более того — собственной внешностью, о чем свидетельствует рисунок на обложке романа. Меланхолия автора на собственном празднике, не развеянная даже доброжелательным литературным собранием, читалась продолжением внутреннего самоедства, которым с избытком наделен персонаж романа Миша Шорников.

"Последний герой" берет читателя за живое не тем, что сюжетные зигзаги романа проходят иногда по канве триллера, не авторским даром предвиденья, о чем успели сообщить в "Нью-Йорк таймс бук ревью" (ныне предвидеть умеют все!), не занимательностью беллетристического антуража, вроде ангелов белого и черного, очень похожих на телохранителей, вездесущих и мудрствующих. Роман интересен даже не элементами дьявольщины, сопутствующей внутриутробному зачатию героя. Все это сделано отменно и, безусловно, работает на успех произведения. Зрелищен монтаж событий, что предсказывает особый интерес к роману со стороны кинорежиссеров и сценаристов.

Но главный козырь нового сочинения Александра Кабакова — сам герой. Ненасытный чувственник Миша Шорников, покорявший женские сердца и тела с легкостью бога любви, листает жизнь свою беспощадно и даже цинично. Автор пошел на огромный риск — предоставил встречам возлюбленных идти естественно и лирически подробно, как повелевает душа и темперамент человека, захваченного внезапно нагрянувшей любовью — без умолчаний и многоточий... Автор "Последнего героя" нарушил общепринятые этические нормы — позволил персонажу любить женщину с неистовостью приговоренного к любви. Интимные акты возлюбленных — едва ли не самые совершенные страницы сюжета.

Наша отечественная проза не заглядывала так глубоко и открыто в тайну тайн любви. Кабаков проходит по лезвию бритвы, эротизм "Последнего героя" остается в пределах прекрасного. Если еще учесть пластичность языка, искренность тона и живость диалогов, то роман Кабакова, на мой взгляд, тянет на соискание Букера.

Наталья ДАРДЫКИНА.